

В КРАЮ БЕРНСА

Ал. СУРКОВ

Трансатлантический четырехмоторный самолет, совершающий рейсы на линии Лондон — Нью-Йорк, оторвался от бетона взлетной дорожки Норхольтского аэродрома и, пробивая сетку надоедливой, многодневного дождя, взял курс на север. Самолет нестойчиво лез ввысь, пока солнечные лучи не заблестели на его влажных от дождя крыльях. По мере движения на север стала редеть ткань мохнатого ковра сплошных облаков, обнажая сначала малые, причудливо очерченные просветами кусочки земной поверхности, потом неоглядную ширину зеленых полей и рощ, испещренную самой разнообразной геометрией населенных пунктов.

Расстояние между Лондоном и транзитным шотландским аэропортом Прествик наш крылатый корабль покрыл так быстро, что не удалось даже как следует разглядеть пеструю, сугубо космополитическую компанию пассажиров. Несколько крутых выражений, мельканье летящих снизу навстречу и резко увеличивающихся в объеме построек, самолетов, стоящих на линейке, деревьев, телеграфных столбов — и мы оказываемся единственными пассажирами, извергнутыми из чрева «Викинга» в прествикском аэропорту.

Так в первые числа июня нынешнего года очутились мы в краю великого поэта Роберта Бернса — в юго-западном, омываемом волнами Атлантического океана шотландском графстве Эр.

Сквозь сутолоку большого аэровокзала наши гостеприимные хозяева — супруги Хьюз — протискивают нас к своему «кару». Хозяйка привычно садится за руль, и юркая машина, намотавшая на свои оси немало английских миль, мчится в Аллоуэй, в гости к Бернсу.

Не в пример лондонской, погода в Шотландии хорошая. Раннее лето покрыло холмы и долины изумрудной зеленью молодых трав. В теплом, прозрачном воздухе звенят жаворонки. Исступленно цветут рододендрон и дрок. От их цветения холмы окрашены то в белое, то в красное, то в лиловое, то в желто-золотое. Прикрытые тенистыми купами деревьев, мелькают по сторонам дороги фермы и поместья, и, если бы не возвышающиеся то здесь, то там серые холмы терриконов и шахтные копры, можно было бы подумать, что мы не у сердца черной, угольной Шотландии, а в каком-то идиллическом краю земледельцев и пастухов.

Проехали чистенький, резко своеобразный по архитектурному облику город Эр, и вот на окраине деревни давно знакомая по гравюрам и открыткам продолговатая, глинобитная, крытая соломой хижина. Мы в Аллоуэй, деревне, где сто девятно четыре года тому назад родился человек, чьи звонкие строки прозвучали на весь мир, чье имя стало национальной святыней шотландского народа.

С замирающим сердцем перешагиваем порог хижинки. Небогата жил родитель великого поэта! Неширок, тесен дворик, где стояла малочисленная живность бедного арендатора. Через закоулки, кладовки, где хранилось скудное добро семьи, входим в довольно просторную, но темную комнату с маленьким оконцем (чтобы не платить лишнего налога на окна). Комната заставлена нехитрым крестьянским скарбом. Вот на этой широкой крестьянской кровати родился Бернс. Осторожно ступаем по полу — по нему давно-давно, в середине позапрошлого века, стучали голые пятки мальчугана, которому суждено было написать слова, столетиями передающиеся в городах и деревнях Шотландии от одного поколения людей другому.

С большим тщанием и любовью почитатели великого поэта воссоздали обстановку, в которой протекала его детская пора, годы раннего тяжелого труда, нужды и недетских забот. С не меньшим тщанием собраны в соседнем доме богатые материалы о жизни и деятельности поэта, издания его книг, начиная с самых ранних, драгоценные для потомков рукописи его стихов, портреты, разнообразный материал, рисующий эпоху, в которую жил поэт.

Энтузиаст, хранитель музея, который после долгих лет работы в шахтах к старости пришел в этот тихий уголок, овеянный дыханием бессмертной поэзии, оживляет торжественную тишину музея великопелным, горячим, полным юношеского огня чтением певучих строф Бернса. Кажется, нет строки, вышедшей из-под пера Бернса, какую бы не знал наизусть этот неутомимый старик! Он заражает нас своим энтузиазмом, и вот под крышей старого шотландского дома мы начинаем читать дуэтом: он оригиналы, а я великопелные русские переводы стихов Роберта Бернса, сделанные Самуилом Маршакom. И здесь, в этой старой хижине, какое-то новое очарование приобретают знакомые строки. Язык и ритм оригинала сливаются с музыкой и ритмом перевода. С особой силой чувствуешь, как хорошо, непосредственно и сильно выразил шотландскую душу Бернса в звучном, ясном русском стихе талантливый переводчик.

Из хижинки Бернса мы отправились на прогулку по окрестностям Аллоуэй. Неширокая живописная дорога, змеящаяся меж зеленых холмов, вывела нас к берегу реки Дун. Над рекой, на высоком холме, в «Парке Бернса», возвышается памятник поэту. Стоим на старинном, покрытом седым мхом столетий каменном арочном мосту и слушаем тихий шелест струй реки, воспетой в песнях и стихах Бернса. По этому мосту удирал на кобыле от преследования ведьм Тэм О'Шентер, чей причудливо пародийный образ родился в творческом воображении Бернса. Листва вековых деревьев, растущих на окрестных

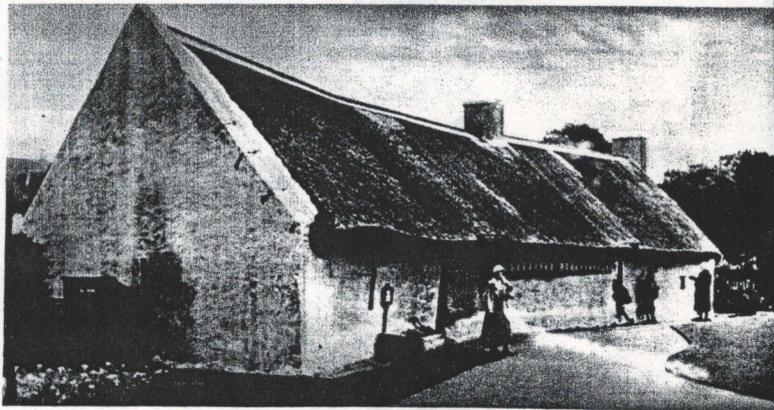
холмах, шелестя под набегающим ветром, навевала Бернсу мелодии его стихов. Здесь, на этих дорогах, в крестьянских хижинах, которые нет-нет и промелькнут среди новых домов, в старых шотландских трактирах на дорогах, встречал поэт героев своих стихов и песен — горемык «веселых нищих»: солдата, возвращающегося с войны; задавленного нуждой крестьянина-арендатора; девушку, несущую суженому свою молодую любовь.

Насладившись слушанием безмолвной музыки истории, мы зашли в сельский ресторан перекусить и стали свидетелями свадебного крестьянского пира. Молодые и старые участники свадьбы после приличествующих случаю возлияний, разгоряченные и веселые, танцевали шотландские танцы и пели песни, которые больше полутора столетий назад сочинил для них их земляк, может быть, не раз заворачивавший в трактирчик прапрадеда хозяина этого заведения, чтобы выпить пинту эля, поболтать с односельчанами и прохожими, припечатать едким экспромтом какого-нибудь местного скрягу, ханжу, мздоимца.

Шесть дней мы провели в Шотландии. Тысячи миль исколесили по ее дорогам. Слушали ветер долин и рокот океанского прибоя. Любовались чудесными ландшафтами, зелеными холмами, сбегаящими к морю, зеркально чистыми озерами, заливами, изрезавшими

берега этой суровой, но прекрасной земли. Где бы мы ни побывали: в доме писателя или парламентария, в поместье землевладельца или в скромном домике сельского учителя, в коттедже рыбака, земледельца, в квартире шахтера, — везде мы обязательно находили томики стихов Бернса, его портрет, висевший на самом почетном месте. И кого бы вы ни попросили: шахтера, собирающегося в шахту, рыбака, только что вернувшегося с океана, десятилетнего школяра или седую крестьянку, — каждый из них с охотой, любовью, воодушевлением и каким-то врожденным артистизмом читал нам наизусть сотни строк стихов Бернса. Везде, где собираются люди, чтобы вместе провести вечер, выпить кружку пива, поболтать, попеть, потанцевать, вы обязательно услышите звучащие молодое и современно стихи Бернса, разливающиеся мелодией своеобразной шотландской песни. И когда шотландцы кончают собрание или большой уличный митинг, запевают волынки, люди берутся за руки и поют слитно, дружно песню Бернса, прославляющую благородное чувство человеческой дружбы.

Великое счастье поэта, — прожив короткую и трудную жизнь, обрести бессмертие в душе народа, откликающегося на слово, рожденное пламенным сердцем гения. Это счастье выпало на долю Бернса, крестьянского сына из шотландской деревушки Аллоуэй.

Домик Бернса в Аллоуэй. Вид из сада. Внизу — комната в домике Бернса.

